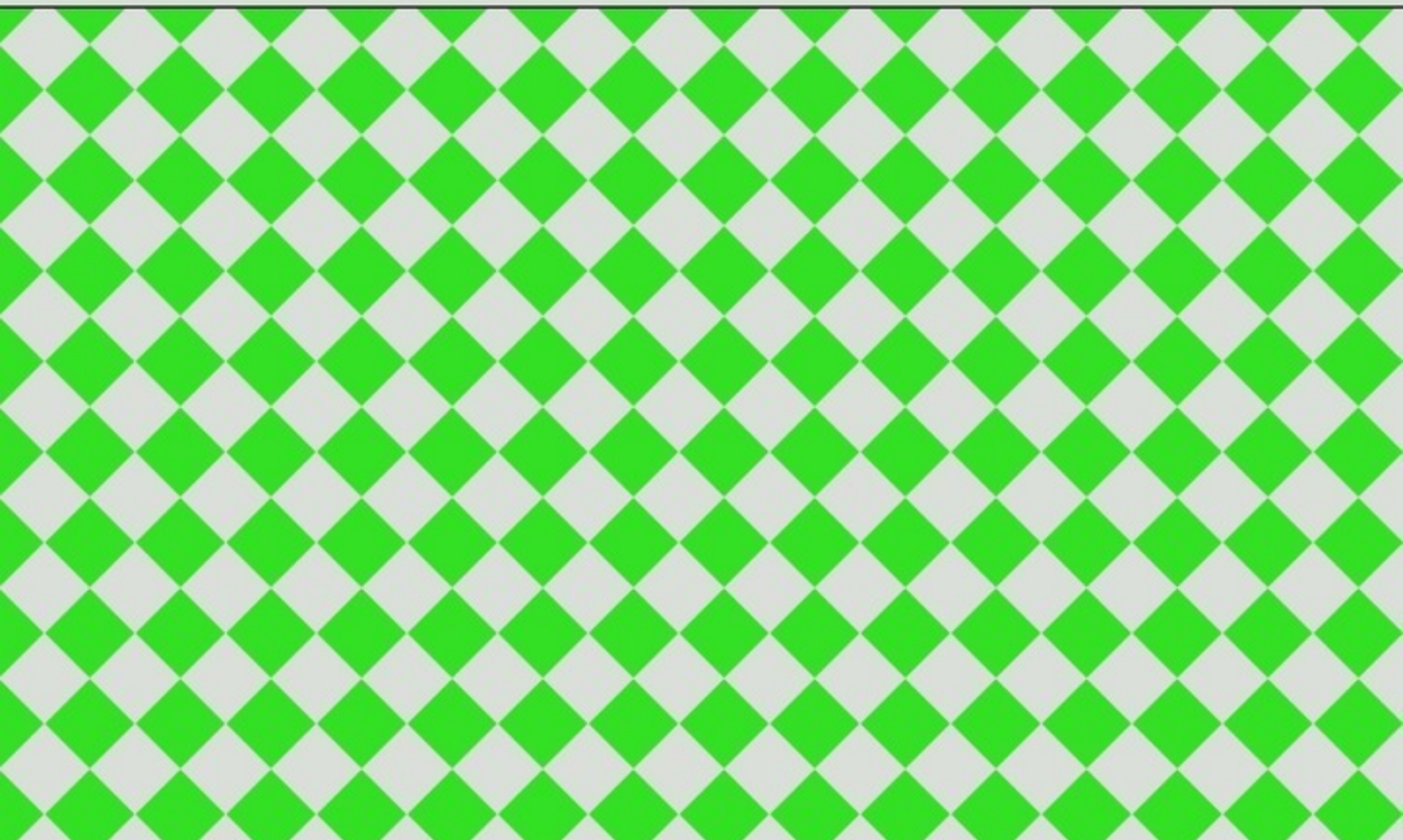

Ольга Чепельская

*О судьбах кур
и людей*

сборник рассказов

Ольга Чепельская

О судьбах кур и людей. рассказы

«Издательские решения»

Чепельская О.

О судьбах кур и людей. рассказы / О. Чепельская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744358-0

Рассказы содержат эпизоды из жизни женщин, принадлежащих разным возрастам и неодинаковым условиям жизни. Каждая из них переживает некий важный период в судьбе.

ISBN 978-5-44-744358-0

© Чепельская О.
© Издательские решения

Содержание

В поезде и не только	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

О судьбах кур и людей рассказы

Ольга Чепельская

© Ольга Чепельская, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В поезде и не только рассказ

Поезд шел в хорошем расслабленном ритме позднего лета. На коротких остановках проматривались пустые платформы, на длинных стоянках из полупустых вагонов не спеша выходили заполнить пространство запоздалые отпускники и свободные от ответственных мыслей о работе нестарые пенсионеры. В плацкартном вагоне пассажирского поезда ехали на юг те, кому не судьба летать самолетами равно новых, как и старых авиакомпаний, однако комфорт неожиданно для себя все согласно обнаруживали: в каждом отсеке находилось по два-три пассажира, боковые места не были заняты вовсе. Так что, прищутив глаза, для того чтоб не замечать отсутствия дверей между купе, и увеличив звук радио, чтоб не слышать присутствия соседей, можно было при большом желании даже вообразить себя пассажиром мягкого или хоть купейного – то есть вполне европейского вагона, движущегося на постсоветском пространстве в направлении подальше от повседневности. «Ведь вы этого достойны!» – пусть средств и не всегда хватает, зато всегда хватает воображения.

Две дамы, в возрасте хорошо за пятьдесят, плохо представляющие, с какими ископаемыми их ассоциируют приветливые молоденькие проводницы, воодушевленно пили чай, предвкушая наслаждение от предстоящего тесного общения в течение двух недель на побережье «самого синего моря». Они с радостью констатировали, что их почти случайная встреча на параллельных полках несет в себе некое знамение. Они не виделись многие десятки лет, хотя по телефону периодически договаривались об обязательных встречах. Эти бывшие одноклассницы, испытывая самые противоречивые чувства, среди которых симпатия не являлась определяющим, наконец-то смогли посчитать на щеках друг дружки глубокие борозды морщин. Благо обе уже были в очках, что придавало солидности, уверенности в собственном праве на суждение о добре и зле и осуждение всего, что было злом. Злом же, при первоначальном обмене мнениями, единодушно были признаны старые мужья, так и не сумевшие за долгий период сосуществования понять глубины чувствований и широты интересов своих спутниц жизни.

Проводница постарше, которая выдавала белье, подмигнула младшей, подсчитывающей выручку:

– Еще две искательницы приключений. Мужья им не угодили.

Однако тема мужей, как ни привычна она была и хорошо освоена, очень скоро заставила обеих дам замолчать и задуматься. Повторяться стало скучно, это раз. А два – это было вспыхивающее торжество в глазах собеседницы, которое оставалось невидимым при телефонном упоминании словосочетания «мой козел». Без телефонного барьера слово воздействовало сильнее и его интерпретация была несколько посложнее, возбуждая не одно только сочувствие чужому горю, но также и торжество собственной силы над чужой слабостью. Подобное абсолютно естественное переживание выглядело как бы сродни предательству, чего ни одна из дам по отношению к себе не могла одобрить, именуя его злом.

Тогда обе подружки, помолчав несколько минут, обратились к кроссворду. Это изобретение человечества заслуживает отдельного дифирамба, но дамы ограничились скупой критикой в адрес авторов «нынешних кроссвордов, некорректно ставящих задачи перед публикой».

– «Резвый мужчинка», шесть букв! – с подчеркнутой иронией возгласила та дама, которая была повыше ростом и обладала дивной стрижкой без названия и без малейшего следа парикмахерских усилий, по собственным словам дамы. Проводница помладше похожую стрижку делала в салоне за бешеную цену. Но чтобы старуха носила на голове такое! Впрочем, сама дама свою стрижку любила, называла ее диссидентской, и не желала выбрасывать

денег на то, чтоб ее голову уродовали чужие руки. «Если хочешь сделать хорошо, сделай это сам!» – смело повторяла она полюбившуюся присказку. Последние лет тридцать стриглась она сама собственноручно, в собственной ванной, опаздывая на работу, или спеша в магазин, или принарядившись в филармонию, неважно при каких обстоятельствах, лишь при одном обязательном условии, что челка начинала мешать видеть мир. Тогда возникал очередной вариант прически.

– Я балдею от этих кроссвордов, – отозвалась приятельница, сверкнув золотом, вправленным в аккуратные челюсти. – «Резвый мужчинка» мне уже встречался. Это никак «живчик». Ну-ка, проверь. – Сама она была пока что занята надломившимся ногтем и под аккомпанемент общения с подругой подчищала перышки, попримявшиеся после ночного бдения при пересечении границы между двумя независимыми государствами: спать не давали поочередные – с обеих сторон – проверки документов и заполнение миграционной карточки. Нарядная прическа, которой могла бы позавидовать сама усталая Алла, если бы дама была особой публичной и мелькала бы на телеэкране, эта потрясающая всех близких и далеких друзей и недругов прическа, представлявшая замысловатые пружинки волос, светлой папахой укрывавшая поллица и удачно маскировавшая морщины, прическа приобрела в дороге неправильную форму. Теперь специальным гребнем в форме вил надо было уложить волосы нимбом вокруг лба. Дама эту прическу придумала сама, в девичестве, наскучив накручиванием шиньона, придумала, но никогда не опускалась до того, чтобы самой исполнять свой замысел. Она достаточно зарабатывала, чтобы оплачивать услуги тем, кто предназначен эти услуги оказывать.

Кроссворд был, конечно, «для кретинов». Его вопросы, то примитивные, то искусственно усложненные, были теми, что кочевали из кроссворда в кроссворд.

– Все-таки вопрос интеллектуальных развлечений остается нерешенным, – высказалась дама с самодельной стрижкой под диссидентку, проще говоря «под горшок», – если ты чуть выше среднего уровня, справляйся с проблемой культурного досуга самостоятельно. Хочешь – пой, хочешь – танцуй, хочешь – пей. Главное – найти компанию.

Обе интеллектуалки одновременно глубоко вздохнули. Переглянулись и тихонько посмеялись над синхронностью поведения, которое в их далеком детстве приводило многих к ошибочному впечатлению, что они двуйцевые близнецы: совсем непохожие по форме и абсолютно одинаковые в поведении, что часто ошибочно принимается за содержание. И никаких поползновений доминировать. Ну точно как сестры.

Проводницы, по очереди прибираясь в вагоне и обмениваясь очередными наблюдениями, отметили, что для сестер старухи слишком разные, но что-то их неуловимо сближает. Например, ложками в стаканах звенели абсолютно синхронно. Печенье друг дружке предложили одновременно, столкнувшись крючковатыми пальцами. Пальцы мгновенно предательски продемонстрировали эстетические пристрастия обеих старух: кудрявая обладала коротенькими миниатюрными пальчиками, гофрированная кожа которых грамотно камуфлировалась золотыми колечками, костлявость руки старухи стриженной, напротив, подчеркивал громадный камень в металлической оправе. Кроме того, наблюдались еще некоторые незначительные отличия: лицо, наполовину скрытое пышной папахой завитушек, не выражало особой любви к несовершенствам мироздания, напротив; оно свидетельствовало о пронизательности, непримиримости и твердости убеждений, какие свойственны, к примеру, воспитательницам детского сада или цирковым укротительницам; на лице носительницы диссидентской прически даже и неискушенный наблюдатель мог прочесть умиротворенность, характерную для постоянной клиентки психо-неврологического диспансера либо лесбиянки со стажем.

Проводница, пришедшая забрать стаканы, порадовалась, что ей самой не приходится коротать время в подобной компании. Своей молодой напарнице, прилегшей перед телевизором, она задала давно засевший ей в голову вопрос:

– Нет, объясни мне, зачем так долго жить на земле? Пользы от тебя никакой. Дети выросли, внуков ты не смотришь, общество только тратится на твою пенсию.

Младшая, не отрываясь от красивого сериала, пожала плечиком в форменном пиджачке:

– Наверно, есть какой-то интерес.

– Глупая ты еще, – провела по своей высокой груди и просторным бедрам старшая, – какой интерес без любви!

– А может, есть и любовь?

– Ага, любовь до гроба. Благо мало ждать осталось. Нет, правильно, что сокращается количество долгожителей: надо давать место молодым. А то сидят с умным видом: и то им не так, и то не этак. Моя свекровь тоже умничала-умничала, да и съехала к дочери. Там терпят, пока внучек маленький. А эти из пятого купе! Послушать их, так умнее их на свете нет! Ладно, – решительно обратилась она к напарнице, – ты все равно не спишь, посмотри тут. Я в соседний вагон, поболтать.

Тем временем обе старые подруги, уставшие от критики несовершенств окружающего их мира, должны были, следуя законам диалектики, перейти к воспеванию. Но чего? Здесь у них тоже были неограниченные возможности. Так «много хочет быть воспетым», по утверждению Анны Андреевны Ахматовой, «голосом моим», однако самый главный предмет для воспевания своим голосом – это всегда «я —сам». И не только потому, что так поступал главный поэт революционных битв Владимир Владимирович Маяковский, хотя никто не станет отрицать силу воздействия положительного примера. Нет! Ещё и потому, что в действительности человека, переживающего период роста и становления, более всего интересует и устраивает его собственная персона. Ничего, что дамы не выглядели подростками, кое-какие романтические качества были им присущи и по сей день составляли предмет их тайной гордости. И не следует умничать и упоминать всуе психологов, которые хвастовство собой причисляют к компесаторным следствиям комплекса неполноценности. Есть и другие, не менее грамотные люди, которые отстаивают право человека на эгоизм, на любовь к себе. «Любите самого себя, достопочтенный мой читатель!», – не кто иной, как гордость русской литературы, Александр Сергеевич призвал со страниц единственного в природе романа в стихах.

– Ах ты, учительница моя вечная! – воскликнула с досадой, плохо замаскированной под восхищение, обладательница золотых коронок, выслушав замысловатый монолог подруги в защиту эгоизма. Она встряхнула колечками золотых сережек, поискала в сумочке и надела на руку швейцарские часики на золотом браслетике. Это был ее молчаливый ответ на интеллектуальный выпад подруги, цитировавшей поэтов почему зря.

Еще в школьные годы, когда будущая учительница, нынешняя обладательница умиротворенной гримаски под диссидентской челкой, писала по два сочинения: одно для подруги, другое – для себя, причем на втором уже часто иссякало вдохновение и скулы воротило от банальности, проникающей между воодушевленными строками, (для необходимого объема – 3, 5 листа), – уже тогда триумфально выглядевшая обладательница золотых сережек с трудом подавляла досаду против подруги. Ну что от ее интеллекта толку? Все равно весь класс считал умнее ту, первую, сочиненную на едином дыхании, отмеченную пятеркой и прочитанную вслух работу, подписанную неинтеллектуальной подругой. А интеллектуалке было как бы все равно. Неужели же все равно?

Сперва подруга колебалась между совестью и долгом. Совесть призывала открыть людям правду. Долг заставлял носить домой пятерки, потому что родители не должны же были нервничать из-за плохих оценок. Это у будущей Галины Васильевны – тогда просто Галки – родителям было начхать на оценки их «самой умной, потому что вся в отца, дочери». А Эвелину отец всегда выделял среди других своих дочерей – она была средней – и опекал постоянно, потому что родилась она болезненной и слабенькой. Чтобы спасти от золотухи, с раннего детства в ушки девочки проделали золотые сережки, и хотя почти вся семья состояла из меди-

ков, не столько лекарствами, сколько вниманием и предупредительностью лечили все немощи дочки. Оценки для них были мерилем их общей значимости.

– А вот читать уже почти что нечего! – постаревшая Галка, которая все, как она по-учительски определила, необходимые книги перечитала в лучшие годы – от четырех до сорока лет, теперь, наподобие Рахметова, выбирала для себя чтиво по признаку «самобытно/несамобытно», и после двух – трех, от силы десяти страниц, выносила приговор. С удовольствием, непонятым и, похоже, наигранным, перечитывала Пушкина. Эвелина всегда подозревала подругу в неискренности, еще со времен, когда та выполняла двойное задание: для Эвелины и для себя. Неспроста же? Конечно же, старалась подчеркнуть свои способности. Да не всегда получалось! По физике, вообще, иногда свой вариант не успевала выполнить.

А с мальчишками чего добилась? Всё их преданность испытывала. Так все они в итоге у ног Эвелины, как миленькие, оказались. А ведь Эвелина в их класс пришла только в девятом. За Галиной первенство держалось с начальной школы – и эта любительница книжных идеалов думала, что так всегда будет. Ой, как держится за вымыслы! Как за круг спасательный.

И Пушкина открывает демонстративно на любой странице и заливается тихим хохотом. Эвелина лично интересовалась, бывало, ничего там смешного. Ясно, для привлечения внимания вслух хохочет, ведь могла бы и про себя. В общем, выпендриться нечем, так хоть интеллектом блеснуть. Ну и чего добилась в жизни? Послушать её, так и муж у нее, «козел» особенный, самый умный из «козлов». Деваться, дескать, было некуда – весь мир был туп и дремуч. Потому пошла замуж за этого. Иначе бы осталась старой девой.

«Да ты и так осталась старой девой, – готово было сорваться с губ Эвелины откровение в ответ на откровение подруги, – какие радости ты испытала? У тебя и любовника-то порядочного не было. Не считать же за любовника того школьника с его многолетними воздыханиями и льстивыми речами, который носил букеты ради повышения оценок. Или тех выпускников, что донимают своими звонками по поводу и без повода, так, от нечего делать». Эвелина посмотрела на подругу, оценивая ее со стороны. Чудачка, да и только. Потухший взгляд, опущенные уголки губ. А стрижка! Все требует евроремонта. Но ведь можно и маленьким косметическим подручным материалом обойтись. И ведь средства позволяют: вышла на пенсию, а работать продолжает, правда не в школе. Но в институте, говорят, тоже сейчас кое-что платят. Хотя бы седину регулярно закрашивала. Все жадничает. А туда же! Любого встречного-поперечного задевает, дискуссии затевает, глаза загораются, волосенки чуть не дыбом встают. С ней уже по дороге в туалет алкаш из соседнего купе пять раз поздоровался. А она – отвечает!

– Тебе не противно? – стараясь быть спокойной, поинтересовалась Эвелина.

– А что может быть противно? – не то удивилась, не то возразила подруга. – Человек как человек. Ну, расслабился...

– Противно унижаться до его уровня, – категорически пояснила Эвелина.

– Нет, – пожалала костлявыми плечами Галина, после минутного раздумья. – Мне – не противно. Я не вижу в этом унижения. Равно как и возвышения в том, чтобы игнорировать.

Для самой Эвелины у нее нет столько внимания. С безразличием (ясно, наигранным) рассматривала новую золотую цепочку с крестиком. Эвелина недавно ее приобрела, вместо старой, грубой и тусклой. А Галина спросила только, почему крестик православный, ведь Эвелина католичка. А какая разница? Или ей книжку Дарьи Донцовой предложила Эвелина посмотреть: все читают, и с удовольствием. А она «угу» ограничилась.

– Так что же, всем вместе с тобой Пушкина читать?

– Зачем же? Пушкин, как всякая драгоценность, доступен не каждому.

– Это твое личное мнение, – важно произнесла компетентная в вопросах демократии Эвелина. – А мое мнение, что и Донцова нужна.

– Зачем же?

– Отвлечься.

– От чего?

– От жизни.

– Как это? – вытаращила глаза подруга, и Эвелина увидела в них забытый было огонь.

– Очень просто. Люди, моя дорогая, живут настоящими, не книжными вопросами. Твой Пушкин или Толстой из ничего раздували проблемы, хотя сами жили припеваючи. А люди тоже хотят припевать после скандалов на работе, на транспорте, где угодно. Ни твой Пушкин, ни твой Толстой горю не помогут, только загрузят дополнительно.

– Я полагаю, что великие люди решали те же вопросы, которые не можем решить мы. И они предлагают вместе с собой поискать способ выходить из тупиков. Конечно, у них нет готовых ответов, если они не представители соцреализма.

– Я, как читатель обыкновенный, знать не хочу о направлениях. Я хочу, чтобы литература меня развлекала.

– Разумеется. При всем при том литература временами носит исповедальный характер, и тогда поводов для развлечения нет. Разве только у нанятого критика или неглубокого пародиста.

– Меня не интересует исповедальная литература. И в Бога я не верю, – Эвелину выводил из себя этот снисходительно-назидательный тон и отчетливое произнесение слов и, кажется, знаков препинания. – И этим людям, которые едут за перегородкой, твоим милым спутникам, им тоже начхать на твою литературу, и на Пушкина, и на Донцову, что для них одно и то же.

– Согласна. Хочу только обратить твое внимание, что Пушкина всегда читала избранная публика. Кем избранная? Самим Пушкиным, конечно. Пушкин сроки расцвета духовности пророчил «лет чрез пятьсот», значит нам осталось лет триста. Некрасов писал о мечте, когда настанет «времечко, – приди, приди желанное, – когда народ не Блюхера и не милорда глупого, а Пушкина и Гоголя с базара понесет...». Мечта Некрасова не сбылась, как видишь. Народ продолжает читать не Пушкина и Гоголя, а милорда глупого под новыми именами и псевдонимами, – Галина устала в свой текст, написанный чуждым шрифтом.

Нет, вы видели еще такую кривляку? Ей английская книжка интересна, а Донцова не до носа. А бомжи до носа. Очередной раз этот скукоженный очкарик прополз в направлении туалета и кивнул, как старым знакомым! Фу!

Эвелина чувствовала себя обманутой – не этого она ждала от совместной поездки на юг. Что за колхозные манеры! По телефону никогда не было видно такой патологической привязанности к нематым тупицам. Нет, если и дальше будут оскорбляться душевные порывы, то будьте покойны, Эвелина свои меры примет. Уж точно на следующий отдых сделает выбор поприличнее, хоть Турцию, к примеру, куда все уважающие себя люди выезжают.

Под Полтавой – главной в вагон вошла целая вереница индивидуалов со своим нехитрым товаром, аппетитно пахнущим из-под плотной упаковки. Здесь Эвелина и сама оживилась: покушать – это было ее хобби. С копченой курочкой, взятой из дому, было покончено в первые часы, в два присеста, хотя Галина не участвовала. (Выпендривалась, как всегда. Дескать, не ем копченого. Ясно, жадничать привыкла в еде, под шестьдесят еще тела не нагуляла. Два помидорчика съела с прозрачным кусочком ветчины и говорит, что сыта. Ой-ой-ой, так мы и поверили!) Вслух воспитанная Эвелина не высказывала обидных упреков, но было видно, что ее задевает спокойный тон Галины: «Спасибо, я не хочу есть. Я бы чайку попила. Вот придет проводница, тогда составлю тебе компанию с удовольствием. А ты кушай, не жди меня». Конечно, не будет ждать. Такая симфония запахов! Коллекция пирожков с разнообразной начинкой!

– Ну, хоть попробуй! – Эвелина не могла поверить, что еда может не будить аппетита здорового человека. (Правду сказать, на ежегодных встречах одноклассников, которые Галина чаще не посещала, чем посещала, она обычно тоже ничего не ела. Но то было дома, она могла приходить после плотного обеда. А пить коньяк она не отказывалась. И не пьянела, что характерно. Мальчишки упивались в сардельку, а она смеялась тихонько, да и убиралась незаметно

восвояси. А что творилось потом, Эвелина не помнила, а что помнила, никому не рассказывала. Тем более, этой святоше.)

– Почему же? Вполне может. Я все перепробовала в жизни хотя бы по разу, – пыталась обосновать свой отказ Галина. – Мне не интересно есть. Я люблю или что-нибудь вкусенькое, или что-нибудь новенькое.

И уткнулась в подлинник Алана Милна: «По-английски все и смешнее и грустнее. Хотя, признаться, намного медленнее. Но я как раз люблю медленно читать».

Эвелину все больше раздражала эта кривляка с ее кошмарной стрижкой. Чего строить из себя? В кармане два гроша, для количества в два кошелька разложенные. Пока искала, чем за постель рассчитывать, полчаса по сумке шарила. Недаром каждый бомж в поезде её за свою принимает, издалека улыбается. А зубы! Эвелина, как стоматолог-протезист, не могла спокойно видеть этот рот. Впрочем, Галина после какого-то брошенного вскользь замечания стала улыбаться в ее присутствии одними губами.

Эвелина без удовольствия доедала пирожки – неразделенная радость наполовину теряет свое значение. Уставив глаза в книжку постоянной своей спутницы Донцовой, она испытала некое подобие дежавю. Да, точно, такое уже было в ее жизни. Галка с торчащими во все стороны волосами, в помятой ковбойке и подвернутых спортивных брюках, полулежала напротив с книжкой в руках, время от времени удовлетворенно или возмущенно вскрикивая, а она, Эвелина, уставив глаза в такой же «интересный» учебник – это было перед экзаменом по истории, – делала вид, что читает. Ей уже давно хотелось спать. Шпаргалки она уже давно заготовила (не брать же в голову в самом деле все эти дискуссии о профсоюзах!) и теперь ждала только, когда Галка, наконец, разберется в хитросплетениях никому не нужного исторического прошлого, объявит перерыв, и они смогут извлечь пользу из настоящего, а точнее, сбегать на соседнюю улицу, в дом к однокласснику, где тоже не спят ночь перед экзаменом и где, как обычно, будут рады поводу потрепаться за чашкой кофе.

Если бы не это абсолютно необъяснимое свойство Галки привлекать к себе целые компании, Эвелина, пожалуй, не сделалась бы ее подругой. Но странное обаяние несуразной, по нормальным человеческим меркам, Галки, с ее непохожими стихами, с пением под гитару и без, с дерзким поведением на уроках и после, со смелыми заявлениями всего, что считала справедливым (между нами, дурь младенческую), везде и всегда, – все это, как магнитом, тянуло к ней всех, кто ее знал. Порой она дарила шуточные автографы, сделанные на портретах, тут же, на ходу, набросанные ручкой или карандашом, даже ее, Эвелины, помадой. Дал же Бог ей столько возможностей! А что она осуществила? Эвелина едва сдержала презрительную усмешку. Нет, все же жалко ее по-человечески. Дано было много, а еще больше разбазарено. Сама виновата, конечно. Но все ж таки жалко. Что она имела в жизни? Что имеет? Учительскую пенсию? Пластмассовое блюдо, подаренное от профсоюза учителей при выходе на заслуженный отдых? Две-три серебряные (еще пробу надо проверить!) безделушки, подаренные мужем в первые годы счастливого супружества? Талантливых дочерей, которым вечно не хватало денег на обновления: старшей, гениальной художнице, вместо обновок все кисточки с красками покупали, а младшей, соответственно гениальной музыкантше, все струны на скрипках меняли, колки, подбородники? Наряды приходилось шить для них самой, ночами да по выходным, если в филармонию или музей какой не бегала. Эвелина вспомнила то, как Галка, уже став учительницей и по совместительству домашней клячей, впрягшейся в тяжелый семейный воз, иногда взбрыкивала по-старому и на субботу-воскресенье срывалась в Москву, в театр, в Третьяковку, на Красную площадь... Несколько раз брала с собой Эвелину, которая по не изжитой еще тогда привычке следовать за Галкой подчинялась атавистическому зову бродяжнической романтики детства.

А куда только не увлекала Галка Эвелину в их школьные годы! Именно тогда Эвелина побывала чуть не по всему югу Украины и Молдавии, не говоря уже о Беларуси, об окрест-

ностях Москвы и Минска. Сейчас Эвелина не могла себе объяснить, чего она искала в этих мытарствах. Тогда это ей казалось необходимым. Теперь, трезво вглядываясь в прошедшее, она понимала, что это было пустой тратой времени, и денег, и здоровья. После отъезда Галки в Москву, в университет, все компании, в центре которых прежде была Галка, некоторое время покрутились вокруг Эвелины, а потом распались навсегда. Галина, вернувшись из Москвы с молодым мужем, поддерживала отношения с двумя-тремя из прежних друзей, да и то, пока не увидела, что муж не проявляет к ним большой любви. А Галка, всему отдававшаяся со страстью, была страстно предана мужу. Эвелина не понимала и не разделяла такого безоглядного отношения к супружеству. Это же в конце концов просто скучно. Жизнь не романтическая поэма. В жизни все проще и легче. А эта ненормальная подруга постоянно все о каком-то смысле, о творчестве, о какой-то необыкновенной любви! Ну чего притворяться-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.